

Владимир Колганов

Уходящее время

18+

Владимир Алексеевич Колганов

Уходящее время

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64059062

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-98364-9

Аннотация

Эта книга стала продолжением романа «Превратности судьбы», первая часть которого посвящена событиям 90-х, а вторая – событиям 2000-х. Время действия нового романа – 2010-е годы. Главный герой ненадолго возвращается в Москву, на похороны старинного приятеля. Здесь он знакомится со многими представителями артистической среды, влюбляется в популярную актрису. В этом романе тоже есть детективный сюжет, но вот финал получился неожиданный, он возник как бы сам собой, вопреки воле автора. Фамилии и имена персонажей, а также большая часть описанных событий вымышлены, все совпадения случайны.

Содержание

Глава 1. Тимоха	5
Глава 2. Свидание на похоронах	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Владимир Колганов

Уходящее время

Когда начинаешь новый роман или рассказ, крайне важно найти единственно верное начало, которое бы задало тон всему повествованию, что-то вроде прелюдии, иначе всё пойдёт наперекосяк. Затем надо написать финал, этот завершающий аккорд ещё долго будет звучать в душе читателя, создавая ощущение грусти или радости, и уж наверное должен убеждать в том, что не зря несколько часов подряд перелистывал страницу за страницей, пробираясь сквозь дебри слов в поисках ответа на вопрос: зачем всё это? Ну а дальше дело остаётся за малым – заполнить пустоту между началом и концом. Так было бы и на этот раз, однако, начав писать, я так и не смог остановиться.

Глава 1. Тимоха

Той ночью Тимофей Петрович плохо спал. Посреди вполне обыкновенного сна он вдруг почувствовал словно бы неизвестно из чего возникшее неудобство. Ему показалось, что лежит он не в своей постели под тёплым ватным одеялом, а совсем голый на деревянных нарах, видимо, наспех сколоченных из нестроганных досок. И вокруг него были такие же голые мужики и бабы. Почему голые, он объяснить так и не смог. Было в этом что-то болезненное, кафкианское – словно бы жизнь вывернули наизнанку, и Тимофей Петрович увидел нечто скрытое прежде от его глаз. Увидел то, что видеть ему не полагалось.

Первым желанием было слезть с нар и покинуть это непонятное скопление людей. Однако не было никакой уверенности в том, что ему по силам нарушить этот кем-то заданный порядок. Смущало и то, что в таком виде вряд ли сможет до дому добраться, скорее уж наоборот – первый же встреченный им милицейский наряд прекратит это безобразие и направит либо в КПЗ, либо ещё в какое место для принудительного излечения. Пожалуй, что так. Столь непривлекательный итог настраивал на поиски причин случившегося превращения.

«Чем же я мог им не угодить? В чём провинился перед ними? И за что такая кара?» В мозгу медленно ворочалась

невнятно сформулированная мысль и поминутно возникали предположения, одно невероятнее другого, но он по-прежнему не понимал, в чём виноват, за что же впал в немилость. А мысль заключалась в том, что всякому несчастью предшествует заслуживающий порицания поступок, ну, если не поступок, то уж наверняка постыдное намерение. Но что же такого ужасного он сделал? В чём причина?

С давних пор Тимофей Петрович верил в то, что должен быть в оппозиции к любой, какая бы она ни была, господствующей власти. Так должно было быть, этого требовала жизнь, это составляло смысл его существования по определению. В нужный момент тем или иным способом выразить свой протест, дав понять власти, в чём её ошибка – именно в этом заключалась гражданская миссия честного интеллектуала. Но вот сейчас только он ощутил некую потребность своей души, даже можно сказать – страстное желание безоглядно полюбить власть, только бы она освободила его от этого кошмара.

Он даже не пытался задать самому себе столь естественный в этих условиях вопрос: что для него важнее – инстинкт самосохранения или же принципы, которым старался следовать всю жизнь? Ответ был слишком очевиден. И ещё отчего-то показалось, будто место, где он теперь находится – это то самое место, где суждено ему остаться навсегда. И даже странная, не поддающаяся скорому объяснению картина безмолвия и покоя, на которую позволили глянуть напослед-

док, ему уже нисколько не поможет, сколько бы он не терзал себя в поисках причин. Поздно всё это, не ко времени, раньше надо было думать. Что ж теперь-то...

Себя Тимофей Петрович считал человеком нервического склада и тонкого ума. Не потому, что получил хорошее образование и остро реагировал на происходящее в стране и в мире. Просто никогда не мог смириться с тем, что его уделом может стать столь примитивное существование, когда просыпаешься по звонку будильника и все последующие события дня повторяются раз за разом, от завтрака до ужина, от будней до праздников, от зарплаты до зарплаты. Нет, даже по дороге на работу он пытался решать, что называется, краугольные проблемы бытия. И поздно вечером, дома, глядя в телевизор, не уставал бурчать себе под нос, что можно было сделать всё не так, если бы доверили страну другим, не этим людям.

Когда ушла жена, Тимофей Петрович для начала немного погоревал. А потом решил, что всё, что ни есть, случается только потому, что нельзя было поступить иначе. На неё он зла вовсе не держал: какое может быть зло, если не один год вместе делили и радости, и горе? Правда, Карина ещё та штучка была – всегда ей чего-то не хватало. Бывало, даже за обедом начинает нудеть – вот ведь сосед делает евроремонт, а почему бы и нам не облагородить для начала... Как это она выразилась? Нет, вот ведь что удумала! Втюхать все сбережения в ремонт только для того, чтобы сидеть на импортном

толчке. К этим выкрутасам, странным завихрениям её скудного ума Тимофей относился с известным снисхождением. Что поделаешь, видимо, слишком много сил Создатель затратил на её красоту, а поработать над содержимым головы времени так и не хватило. В конце концов, баба есть баба, ей голова дана, чтоб только языком чесать. И невдомёк Карине, что у соседа имеется дополнительный, тщательно скрывааемый доход. Ну а ему, Тимофею, такое выделять принципы не позволяют.

Говорить с женой о сокровенном он не желал. Не потому, что не поймёт, даром, что на двадцать лет моложе. Да нет, просто вывернет всё так, что потом только и остаётся, что маяться без сна полночи. И ещё это её желание спорить по каждому пустяку до победного конца, настаивать непременно на своём. Это раздражало чрезвычайно. В любом деле Тимофей Петрович на первое место ставил логически обоснованный, непротиворечивый аргумент. Если нет аргументов, зачем же спорить? Получится лишь примитивное бла-бла-бла, а тогда просто жаль затраченного времени.

Да, немалых нервных сил стоило это внешне спокойное течение семейной жизни. Выгнать Карину он бы, конечно, не решился, да и скандалов избегал. Но вот ведь, сама от него ушла, избавила от неизбежного инфаркта. Теперь, говорят, замаливает грехи, обхаживая какого-то новоявленного проходимца из сферы финансовых услуг.

А иногда Тимофей ловил себя на мысли, что, может быть,

и к лучшему, что она ушла. Само собой, лучше для неё, не для него же. С другой стороны, всё не так уж плохо повернулось. Жилплощадь осталась у него – по этому поводу не спорили, да это и странно было бы, попросту неприлично, по правде говоря. Квартиру эту он купил ещё в те старые, благословенные времена, когда квадратные метры были вполне по карману работнику умственного труда из научной сферы. Теперь же никакого ума не хватит, чтоб расплатиться с банком, который ссуду выдаёт. Да и какой малахольный её даст? У нынешнего мужа Карины, судя по всему, таких забот не возникает.

Каждый раз, сталкиваясь с финансовыми проблемами, а таких хватало, Тимофей вздыхал: «Эх, что-то всё же устроено не так в этой демократии, что-то они не предвидели, не предусмотрели». Если честно, то демократов Тимофей Петрович уважал, помнится, за кого-то даже проголосовал на выборах. Однако, во всю эту канитель не очень верил. Слишком уж нереальным ему представлялось, чтобы миллионы стали управлять страной. В маленькой деревеньке, в захудалом провинциальном городке – это же совсем другое дело. Там ведь всё, как на ладони, ни одно событие не происходит без того, чтобы каждый гражданин о нём узнал. А вот в столичном городском квартале – тут совсем не так. Скажем, что бы он мог рассказать про своего ближайшего соседа? Да хоть убей, толком не знает ничего. Вор или удачливый бизнесмен, заботливый муж или любитель малолеток?

Как-то среди ночи проснулся. Не спалось. Внимание его привлёк неясный шум, доносившийся из-за дверей квартиры. В те времена ещё случались изредка пропажи – то у кого-то украдут мешок картошки, выставленный в коридор, то ещё что. Вот даже слышал, будто предметом кражи стала детская коляска. Теперь, когда поменяли замки в дверях на чёрный ход, и даже консьержка в холле на первом этаже обосновалась – теперь-то стало поспокойнее. Ну а в тот раз Тимофей осторожно, чтобы не разбудить жену, выбрался из постели и подошёл к входной двери. И вот, глядя через глазок, увидел он такую сцену. Соседка, та, что из четырёхкомнатной квартиры справа, выносила к лифту картонные коробки, а какой-то здоровенный, незнакомый Тимофею мужик одну за другой загружал их в лифт. Долго ли это продолжалось, Тимофей не знал, потому что следить в конце концов ему надоело, да и зябко было стоять в одних трусах на сквозняке. Наутро, когда рассказал о ночном происшествии жене, та его просто обругала. Какое ему дело до того, чем занимаются люди по ночам?! Стыдоба – взрослый мужик подглядывает за соседями!

Позже Тимофей узнал из новостей, что сосед объявлен прокуратурой в розыск. Что-то там связано было с нелегальными поставками за рубеж дефицитного сырья. Такие вот дела. Вчера ещё был вполне добропорядочный, всеми уважаемый, солидный человек, а сегодня оказался мошенником и вором. Как это может быть? Вот потому-то и пребывал Ти-

мофей в сомнении – так ли уж правильно устроена наша нынешняя жизнь? Всё ли в ней подчинено логике и разуму? Или же властвуют в ней некие малоизвестные ему понятия и законы.

В намерении хоть в чём-то разобраться, Тимофей перелопатил гору прессы, ни одного ток-шоу по телевизору не пропускал. Много чего интересного узнал, хотя частенько всё в нём против услышанного восставало. Ну вот, скажите, можно ли какой-то смысл извлечь из утверждения, будто нас безнадёжно искалечил тот, прежний, вроде бы тоталитарный режим? И будто люди, до сих пор влюблённые в советскую власть, безнадежно больны и не способны привыкнуть к новой жизни, как не способен привыкнуть к своему протезу одноногий инвалид, жертва пьяного лихача на мокрой от дождя дороге. Да нет, так думал Тимофей, скорее уж, все мы немножечко «калеки» – и советские, и те, что совсем наоборот. Потому как за чистую правду принимаем то, что нам говорят, и то, что в книгах пишут. Миф громоздится на мифе, ему противопоставляют антими́ф... И так по кругу. А в сущности, каждый выбирает ту «правду», которая ему больше приглянется, по душе окажется. Вот и Тимофей пытался отыскать свою правду, но до сих пор найти её не смог.

Был бы рядом кто-нибудь родной, с кем можно было бы поспорить, обсудить те самые краеугольные проблемы... Так нет, сын с ними давно не жил, зарабатывал на хлеб с паюсной икрой, пристроившись программистом в какой-то фир-

ме там, за океаном. Была у него своя жизнь, Тимофею непонятная. Иногда даже возникало подозрение, что это не его сын. Вслух, конечно, Тимофей таких крамольных мыслей не высказывал, но иного оправдания поступкам сына он не находил.

После того, как, наконец, остался один, главной отрадой для него стали прогулки по лесу. Да, там совсем другое дело, уж там точно, самая что ни на есть идеальная, ничем не осквернённая власть, искренняя и душевная. Потому что сам решения принимаешь и сам за исполнением следишь. К тому же полная свобода – хоть голышом бегай по траве! Ни воров тебе, ни лицемерных политиков, ни проституток, ни алчных богатеев и чиновников. Тишина, даже собак не слышно.

Однако вечно скитаться по лесу он бы не смог. Время от времени надо было возвращаться к людям. Не потому, что Тимофей жизни без общества не чаял, но всё же интересно было, что там и как? А вдруг что-нибудь да к лучшему изменится. Вот ведь стараются, указы издают, заполняют прилавки заграничным барахлом, качают газ и нефть в Европу. А зачем? Что существенного это может изменить в их жизни? К примеру, твердят ему про очередной какой-то «изм», будто мало он видел этого добра за прожитые годы. Нет, с пеной у рта убеждают, что вот оно – то именно, чего так долго ждал. То самое, что приведёт к долгожданному и длительному процветанию. То есть радуйся, что почти дождался! Толь-

ко потерпи ещё чуток. Ну а ждать-то сколько ещё можно?!

Вообще, люди, свято верящие в истинность неких идей и потому считающие своей обязанностью и правом убеждать в этом прочих граждан, с недавних пор вызывали у него тошноту или хотя бы вежливую, но снисходительную улыбку. Ну можно ли в наше время верить во что-нибудь, если сегодня положил все сбережения в банк, а назавтра приходишь и тебе вежливо так говорят: «Всё! Лавочка закрыта». Хочешь – судись до посинения, а нет, так можешь и повеситься на дверном крюке.

К слову сказать, после прогулок по лесу возникла у Тимофея некая мечта. Ну не мечта, а так, пожелание такое вроде. Да и то, правду сказать, вспоминал об этом Тимофей лишь иногда, когда его чем-то уж очень допекут. Так вот, неплохо бы перебраться в какую-нибудь глухомань. Купить домишко на отшибе, завести корову и кур. А почему нет? Ох, и славно зажил бы! Кругом благодать. Весь день, практически, на свежем воздухе, на природе. Смушало одно – к городу он словно бы прирос всеми своими болячками и мозолями. И никуда отсюда ему уже не деться, хоть матерись, хоть плачь! Нет, к жалобам на судьбу, к бессмысленным рыданиям Тимофей не был расположен. Но вот случилось то, что напрочь перевернуло его жизнь.

Если бы заранее знать, чем всё это может кончиться, то уж, наверное, не стал бы он мелочиться и прямиком пошёл в райисполком. Только ведь райисполкомов теперь нет, а что

там такое вместо них образовалось, он не знал. Да ему и не интересно было. Пенсию платят, всё ж какая-никакая прибавка образуется к зарплате – и то хорошо! А больше ничего ему от них не надо.

В общем, был самый обыкновенный, заурядный день. Да, кажется, это была суббота. Скорее по привычке, чем по надобности, с утра стал наводить порядок в доме – ну, как положено, мыл, чистил, подметал. А после обеда пришёл сосед с четырнадцатого этажа и стал агитировать за снос забора. Группа инициативных граждан предлагала ликвидировать решётчатое ограждение, которым был обнесён их дом.

Кому первому пришло в голову соорудить вокруг дома забор, он не знал. И на собрании жильцов по этому поводу тоже не был. Просто однажды, возвращаясь вечером домой с работы, обнаружил на привычном пути через лужайку непреодолимую преграду, из-за чего до подъезда добираться пришлось кружным путём.

Тимофей Петрович был, конечно, против забора. Эта железная решётка ущемляла его самосознание, грозила превратить жизнь в нескончаемую череду открываний и закрываний калитки, в оголтелый её скрип, в нудные и бесполезные препирательства с охраной, если поздно возвращаешься домой. И вообще, в воображении возникали самые неуместные, самые жуткие и неприемлемые аналогии. Только сторожевой вышки с пулемётом не хватало!

Впрочем, доводы защитников забора тоже впечатляли. Вы

только представьте, говорили они ему, что по ночам здесь будет собираться «тёплая» компания и распевать под гитару разные там песни. Не дай Бог, и до похабщины как-нибудь дойдёт.

Почему «не дай Бог», Тимофей так и не понял. Старые песни он любил, только слова постепенно забывались. Да и сомнительного содержания частушек Тимофей когда-то много знал. Помнится, в молодости часто навещал подругу в театральном общежитии. Так вот однокурсник её, сын известного прежде то ли композитора, то ли кавалериста, развлекал публику тем, что патриотические тексты песен своего папаши напрочь перевирал, добавляя в них немалую толику матерного смысла. От смеха публика стонала. Тимофей тоже посмеивался, хотя ничего смешного в том не находил. Просто не хотел выглядеть чужаком среди будущей артистической элиты.

Ну а пока Тимофей Петрович предавался воспоминаниям, защитники забора продолжали агитировать. Летним днём, говорили они, к нам в озеленённый собственными руками скверик будут собираться все окрестные мамы со своими детьми. Благо, есть чем полюбоваться и на чём культурно посидеть. Так что собственным нашим заслуженным жиличкам попросту не останется во дворе никакого места. Что тут скажешь? Пожилых жилищек Тимофею было жаль, хотя ни с одной из них он не водил знакомства. Вроде незачем было, да и не любитель он потрепаться просто так.

Вообще-то, Тимофей Петрович считал, что с этим домом ему очень повезло. Люди здесь жили образованные, что называется, умственных профессий. Например, был дрессировщик кошек и котов. Изредка встречая его в лифте, Тимофей замирал от неведомо откуда появлявшегося страха. Кто его знает, какими методами он пользуется? А вдруг возьмёт, да и загипнотизирует. Чего доброго, встанешь на четвереньки и начнёшь мяукать. Или, не дай Бог, заставит кошечку к себе для проживания принять. Кстати, интересно было бы узнать, какова судьба тех кошек, что со временем выходят у него в тираж? Увы, разъяснения на сей счёт Тимофей так и не дождался, потому что дрессировщик вскоре съехал – видимо, более приличных соседей подыскал, то же из разряда любителей котов. Здесь-то их не очень жалуют, предпочитают комнатных собачек.

В общем, хоть и считал Тимофей себя человеком необщительным, но всё же приятно ему было сознавать, что есть с кем поболтать о том о сём, само собой, лишь иногда и при удобном, подходящем случае. С другой стороны, как говорится, в семье не без урода. В последнее время Тимофей всё явственнее стал это ощущать.

Неприятности начались после того, как Тимофей отказался поддержать инициативу нескольких жильцов по сносу это самого, вставшего им поперёк горла, вконец надоевшего забора. Он рассуждал примерно так: одно дело – это мои внутренние убеждения. Но зачем же всё подряд сно-

силь? Ему стало жаль вложенного в забор труда неизвестных ему сварщиков и изготовителей стального проката. Жаль, что это произведение дизайнерской мысли сдадут в металлолом. А между тем уже в отдалении слышались крики и посвист победивших сторонников ничем не ограниченной дворовой территории. И представлялось уже, как через пролом в заборе врываются толпы кормящих мам с колясками и грудными детьми, любители забить «козла» и ещё чёрт-те кто – малолетние проститутки, наркоманы и окрестная шпана со всего микрорайона.

Знал бы он, что сосед сверху категорически стоит за снос забора, может быть, и поостерёгся бы, не торопился вот так сразу отказать. Может быть, совсем иным оказался бы в итоге его более или менее осмысленный, свободный выбор. Ну а теперь-то что – теперь это уже стало делом принципа. И на совет соседа хорошенько подумать Тимофей Петрович ответил резко и категорически. Уж очень это смахивало на шантаж.

Вот тут и началось! Имеется в виду то, что происходило в расположенной этажом выше, прямо над головой, квартире. Скрежет передвигаемых по кафельному полу табуреток на поминал вопли раненого африканского слона. Россыпь монет и ещё каких-то неизвестных металлических предметов гремела над головой, как пулемётная очередь, выпущенная из проржавевшего «максима». Среди ночи вдруг раздавался грохот упавшего с верхотуры на пол тела, а утренняя побуд-

ка начиналась регулярно с бомбометания в ритме «диско», причём непременно где-нибудь в басах, от чего даже тахта под ним ходила ходуном и норовила сбросить опостылевшего квартиранта. Если к этому добавить, что то и дело принималось интенсивно капать вдоль стояка в техническом шкафу, предвещая очередной потоп, которых Тимофей за время жизни в этом доме пережил немало, можно понять его желание всё это уладить.

Однако сосед нормальных человеческих слов не понимал. Тимофею казалось, что видит он перед собой матроса, идущего на штурм Зимнего Дворца или, на худой конец, каплелевца во время знаменитой психической атаки. И то, и другое было явно неприемлемо в том плане, что нечего было такому объяснять. Когда на тебя прут, закусивши удила, самое надёжное средство сохранить жизнь и себе, и ему – взять да и тихонько отойти в сторонку. Но уезжать из этого дома Тимофей Петрович не хотел.

Пожалуй, причина нежелания сменить место прописки была в том, что, если уж совершать обмен, так исключительно для того, чтобы вернуться туда, где проходили детские и юношеские годы. Где каждый переулок, каждый дом был связан с воспоминаниями об одноклассниках и друзьях. Где подъезды, проходные дворы и подворотни хранили звук его шагов и запах сигарет, которых выкурено было тогда немало. Тимофей изредка возвращался в те места, сидел на скамейке у пруда, смотрел на лениво скользящих по водной глади ле-

бедей, мысленно пытаюсь восстановить в памяти то, что было дорогим, что отзывалось в сердце радостью и болью. Но с каждым разом всё отчётливее понимал, что постепенно он здесь становится чужим, и место это скоро будет неприятно его взгляду. Вот и улицы забиты до предела иномарками, так что по тротуару даже не пройдёшь. И вычурной архитектуры дома, в изобилии, словно грибы в дождливую осень, появившиеся за эти годы. И мелкие лавчонки, маленькие ресторанчики и кафе, вечно полупустые. Здесь понемногу обустроивалась какая-то другая жизнь, непонятная и ненужная ему. Он становился здесь чужим, потому и не было ему сюда возврата.

А накануне Тимофея пригласили на собрание членов-пайщиков кооператива. Речь должна была пойти о сносе того самого забора. День был пустой, вечером и того горше – совсем нечего было делать. Поэтому и пошёл.

Актёрский зал расположенной по соседству средней школы забит был под завязку, до отказа. Тимофею Петровичу давно уже, с начала девяностых, не приходилось видеть такого скопления взволнованных людей, такого яростного, могучего порыва в намерении отстоять свою единственную, неопровержимую и непререкаемую правду. Всё это ясно читалось на лицах тех, кто явился на собрание, и не было силы, которая могла бы противостоять этому напору.

Честно говоря, поначалу даже стало смешно – стоило ли огород городить из-за такой пустяковины, как забор вокруг

жилого дома? В конце концов, ко всему можно приспособиться, если очень уж прижмёт. Главное, не отступать в том, что составляет основу более или менее сносного существования. Скажем, если кто-то захочет перекрыть вам воду или обесточит электрический щиток – вот тогда понятно желание пострадавшего пойти на самые крайние в отношении злоумышленника меры. Тогда любые контрдействия и любые аргументы в их оправдание можно было бы понять. В конце концов, если надо тебе вентиль на горячей трубе заменить или забарахлил автомат на том щитке, можно объяснить всё по-хорошему, не унижая гражданское достоинство своего соседа. Когда же из человека пытаются сделать покорного исполнителя чужой воли – можно ли с таким смириться? Тогда требуется стиснуть зубы, сжать кулаки и драться до победного конца.

Вот и сейчас, собрались две сотни человек на свой последний, свой решительный бой. Выберут президиум, примут повестку дня и начнутся прения. А дальше что? Да что ж ещё? Ну, для начала станут лапшу друг другу на уши навешивать! К такому странному, парадоксальному, вроде бы ничем не спровоцированному выводу Тимофей Петрович пришёл, внимательно поглядев на лица собравшихся людей. Желания драться и ни на йоту от намеченной цели не отступать – этого добра было тут в избытке, можно и до другого случая немножечко оставить. Но в то же время, упорство, не подкреплённое ясностью ума, в его понимании представля-

ло собой не меньшее зло, чем малодушие и желание сдаться на милость победителя. Таких горе-радикалов Тимофей немало повидал на своём веку, ещё в ту пору, когда ходил на митинги противников прежнего режима. Впрочем, к презрению примешивался и некий затаённый элемент зависти. Аналитических способностей Тимофею было не занимать, но вот подняться на трибуну и объяснить собравшимся, что разрушать, не имея чёткого представления, как это будет обустроено потом, нельзя, что такие действия чреватые, что все мы рискуем оказаться в дураках – для этого Тимофею элементарно не хватало смелости и уверенности в своих силах. Да и кто бы ему там позволил выступать?

К слову сказать, около трети присутствующих в этом зале он и в глаза-то никогда не видел. Тут были и пожилые матроны с крашеными буклями, и вечные домохозяйки, мечтающие наконец-то вмешаться в политический процесс, и молодые матери с младенцами на руках, желающие оградить себя от ненужной конкуренции в борьбе за свободную скамейку перед домом, ну и, конечно же, защитницы прав обездоленных животных, то есть борцы за свободу выгула собственных собак в ближайшем парке или сквере. Словом, большинство защитников сохранения этого забора, судя по всему, составляли женщины, да ещё расплодившаяся за последние годы назойливая, всюду проникающая, кровососущая мошकारа – так Тимофей называл автомобилистов.

И с какой стати его сюда занесло? С любителями торчать

в дорожных пробках ему не по пути. А спорить с женщинами Тимофей не собирался, потому что так однажды для себя решил и старался неукоснительно следовать этому неписанному правилу. Суть его заключалось в том, что бесполезная трата ума не может быть оправдана даже тем, что составляет приятную основу общения с прекрасной половиной человечества. Каждому – своё! Даже если приходилось сталкиваться с вопиющей наглостью в какой-нибудь государственной конторе, он искал выход на какого-нибудь начальствующего мужика. Это впрочем, отнюдь не исключало приятных и весьма полезных бесед с облечёнными властью, в той или иной степени привлекательными дамами. Но вот что верно, то верно – до споров с ними не опускался никогда.

Тимофей краем уха слушал привычную для подобных заседаний дребедень – выборы президиума, утверждение регламента, вступительное слово... Для надёжности даже чуть прикрыл глаза. И лишь когда начали говорить по существу, словно бы ото сна воспрял, мысленно поиграл мускулами и потянулся, приводя умственный аппарат в соответствующий заданным обстоятельствам порядок.

А между тем, защитники забора, похоже, брали верх. Во всяком случае, среди выступавших эта фракция преобладала.

– Пора положить конец издевательствам над волей большинства. Сколько ещё это может продолжаться? Если кому-то не нужен наш забор, вон, тут кругом полно домов, ме-

няйтесь. Скатертью дорога! Мы никого не держим.

— Граждане! — попыталась остудить пыл защитников забора, снизить градус дискуссии председательша. — Но так нельзя. Выступающие за снос забора такие же равноправные члены-пайщики кооператива, как и мы с вами. Вот тут я вижу немало сторонников этой идеи. Давайте им предоставим слово.

— Нет! Не давать слова! — вскричала зардевшаяся от благородного гнева, уже слегка растрёпанная дама и, подбежав к трибуне, пояснила: — Нам их намеренья ясны. Сначала выбросить на свалку наш забор, затем сменить правление, а кончится тем, что всех нас выселят, чтобы устроить в подвале казино, а на остальных этажах будет публичный дом со всем, что полагается вдобавок.

— Клевета! — размахивая кипой бумаг, со своего места вскочил курчавый гражданин с явными признаками значительности на лице, во всяком случае, так Тимофею поначалу показалось. — В нашей программе ничего такого нет. Кто хочет, может убедиться. Забор мы планируем сломать в обмен на содействие жителей окружающих домов в благоустройстве нашей территории, — и стал раздавать направо и налево сшитые скрепками листы, то ли с программным манифестом, то ли с перечислением грядущих предпочтений.

— Если уж брать, то в твёрдой валюте, — предложила председательша. — Впрочем, общему собранию решать.

Однако идея затерялась в шуме возмущённых голосов. С

заднего ряда в воздух полетели прокламации, а вслед за тем стали скандировать что-то вроде лозунгов, но почему-то на манер речёвок фанатов на футбольных матчах:

– Сло-ма-ем за-бор! Сло-ма-ем за-бор!..

– Спартак чемпион! – раздалось в ответ, и теперь уже и со стороны передних рядов понеслось:

– Ди-на-мо впе-рёд! Ди-на-мо впе-рёд!

Самое странное, и оттого пугающее непредвиденными последствиями заключалось в том, что противники забора встретили отпор со стороны тех самых пожилых матрон, старых перечниц, пережитков того времени, когда воскресным днём вся футбольная Москва отправлялась на «Динамо». Вряд ли почтенные дамы лет эдак пятьдесят назад относились к категории футбольных фанатов, скорее уж это была привилегия отцов или мужей. Но в нынешних обстоятельствах такое их подвижничество было как нельзя более кстати.

Смущённые неожиданным ходом дискуссии, представители противоборствующих сторон призвали публику к порядку. Посовещавшись между собой, они предложили участникам конфликта разместиться по разные стороны от центрального прохода.

– Так будет проще контролировать расстановку сил и можно будет избежать рукоприкладства, – поддержала инициативу с мест председателяша и попросила впредь высказываться только по повестке дня.

Удивительное дело, большинству участников собрания даже пересаживаться не пришлось. Видимо, и тут сработало нечто вроде классового чутья, разделившего жильцов и жилищек дома на правых и неправых. Увы, история повторилась уже в который раз.

Спор продолжался. Но постепенно его участники, по-видимому, исчерпав все доводы и контраргументы, стали мало-помалу переходить на личности.

– Я бы так сказала вам, сидящим справа, – начала свою речь активная общественница, завсегдатай собраний и непреременный член родительского комитета школы. – Как лидеры, защитники интересов жильцов этого дома, вы ничто! Уж сколько лет жуёте всё одну и ту же жвачку. Лозунги поистрепались, флаги вылиняли. Пора признаться, что вам эти дела не по плечу, – словно бы подвела итог она и с явной издевкой в голосе добавила: – Убогие пустозвоны, способные только воздух сотрясать!

– Сама вы, как допотопный граммофон! – возмутился ранее заявивший о себе курчавый гражданин, как раз в этот момент достававший из портфеля новую кипу политических воззваний. – Несёте чушь, скоро плесенью покроетесь!

– Ах ты, брехливое чмо!

– Что ты сказала?

И пошло...

Тимофей давно заметил – характер портит лицо, уничтожает очарование, если, конечно, оно было присуще человеку

изначально. Особенно жаль, когда такое происходит с женщиной. И ещё, его всегда поражали люди, которые по самому пустяшному поводу в карман за словом не полезут. И вот с глубокомысленным видом вещают ерунду либо же получают удовольствие от собственного хамства. Когда их слышишь, бывает, просто оторопь берёт. Господи! Да неужели культурный, образованный человек способен на такое? Неужели возможно разом забыть всё, чему учили, о чём мечталось когда-то, что в книжках прочитал? Если бы речь шла о выборе между жизнью или смертью, тогда ещё можно их понять. Но вот сейчас, словно бы соблюдая некий привычный ритуал, несут чёрт-те что, ничуть этим не смущаясь.

Ну что поделаешь – лицемерия Тимофей Петрович на дух не выносил. Готов был выслушать самое неприятное, даже резко высказанное мнение, если сказано это убеждённо, от души. Но вот если человек вьётся ужом, крутит, вертит сомнительными аргументами, как ему вздумается, а свою истинную цель прячет за красивыми словами – этого Тимофей не простил бы никогда.

Все эти соображения не давали Тимофею успокоиться и принять единственно правильное решение относительно того, что делать дальше. А между тем, участники дискуссии стали постепенно выдыхаться. Судя по всему, пришло время слегка передохнуть, собраться с силами и вновь пойти на штурм. Иду на вы! С железным скрежетом опустится забрало и...

Тут-то и созрела в голове Тимофея Петровича некая мысль: «А какого лешего мне надо? Зачем я сюда пришёл?» Как принято было ещё в детстве, когда терпеть было уже невозможно и срочно требовалось выйти, он поднял над головой вытянутую вверх руку. К его удивлению, «учителька» поняла его несколько превратно.

– Да, да, пожалуйста. Слово предоставляется... – председательша указала на Тимофея неким перстом в виде шариковой авторучки и стала что-то торопливо искать в списке жильцов. – Вы из какой квартиры? Задолженности по квартплате нет?

Сообщив номер квартиры и фамилию владельца, Тимофей покосился на бухгалтера, которая, сверившись со своим списком, удовлетворённо кивнула головой. «Ну что ж, делать нечего, придётся выступать. Свобода слова в действии. Видимо, не зря боролись», – с усмешкой подумал Тимофей.

– Я вот о чём хотел сказать...

– А вот вы пройдите сюда, чтобы все вас видели, – предложила председательша.

– Ну, если вы настаиваете... – Тимофей кряхтя поднялся и направился к сцене.

Делал он это с явной неохотой, нарочито медленно, словно бы всем своим видом хотел показать, что вся эта затеянная ими канитель не может его уж очень беспокоить. Хотя бы потому что есть проблемы поважнее.

Но вот дошёл, наконец, до сцены и повернулся к залу. На

него глядели две сотни пар широко раскрытых глаз. Некоторые – с удивлением, ведь никогда от него и слова не услышишь. Другие – с явной насмешкой, ну что такого особенного может сообщить им этот старикан? Кто-то, вероятно, смотрел с надеждой – с надеждой завтра при встрече завести ни к чему не обязывающий, минут на сорок разговор, благо повод для этого есть, теперь Тимофей уж не отвертится.

Никому из них угодить Тимофей не собирался. В сущности, ему было всё равно, как отреагируют на его слова. Во всяком случае, именно так мысленно себя старался успокоить. Мол, что бы не ответили, меня это не может волновать.

И вот набрал в грудь воздуха побольше и сказал так:

– Я вот, извините, не пойму, отчего столько шума вокруг этого забора?

По залу прокатился ропот.

– То есть как? – возмутился один из тех, кто расположился справа. Его поддержали слева:

– Зачем сюда таких пускают? Если ума не достаёт, чтобы понять, нечего ему здесь делать.

В заднем ряду возник и тут же затих истерический смешок.

Тимофей поначалу так и не нашёлся, что сказать в ответ. Только посмотрел в зал растерянно и улыбнулся. А потом сказал:

– Я-то надеялся, что вы мне объясните, а выходит, что объяснять должен я сам, – затем немного помолчал, как бы

собираясь с мыслями. – Я вот что думаю. Нам же с вами здесь жить. Все мы имеем право голоса. А если не представляем толком, за что голосовать, ничего хорошего у нас с вами не получится. Правильно я рассуждаю? – Тимофей оглянулся на председательшу, сидевшую за его спиной.

– Так что конкретно вам не ясно? – пришла на помощь председательша.

– Мне ясно только вот что, – ответил Тимофей. – Ясно, что дело не в заборе. Если не наберёмся разума, никакой забор нам не поможет. В конце концов, там, за забором такие же люди, как и мы. С ними всегда можно обо всём договориться.

– Хотела бы я посмотреть, как вы убедите в этом наших оппонентов, – хохотнула дама слева.

– Не о чем нам с ними толковать, – прокричали справа. – Мы сами-то не можем прийти к общей точке зрения.

– Вот и я о том. А что если взглянуть на это дело с другой стороны? – примиряюще улыбнулся Тимофей. – Вера в то, что забор защитит от всех невзгод, на мой взгляд, столь же пагубна, как и наивность тех, кто считает, будто нам не нужны никакие запреты и заборы. А в итоге пострададут от непродуманных решений все, – Тимофей обвёл взглядом зал и продолжал: – Когда на простого человека, который во всех этих заморочках ни бум-бум, обрушивается лавина информации в виде противоречивых аргументов и мнений, ему совсем непросто разобраться, разложить всё это по полочкам.

Тем более, если одно утаивается, а на другом делают акцент.

— Это кто же тут утаивает? — раздался возмущённый женский возглас. — Вы что же, утверждаете, что мы намеренно вводим граждан в заблуждение?

— Госпожа пайщица, успокойтесь! — вмешалась председательша. — Товарищ вовсе не вас имел в виду.

— Вы правы. Дело не в конкретных личностях, — согласился Тимофей, — и даже несовпадение высказываемых мнений тут совершенно ни при чём. Зло в нашей неискоренимой привычке судить обо всём на основании кем-то сказанных слов. Зло в нашей лени, когда недосуг самому в сути дела разобраться. Зло в нашем желании поскорей найти врага, объявить его причиной всех несчастий, затем осудить и не мешкая привести в исполнение суровый приговор. Ну а потом, когда наступит новая пора невзгод, будем искать следующего врага. И так до гробовой доски, до самого скончания века.

Публика, взволнованная и удручённая перспективой вечного поиска врагов, молчала. И только курчавый гражданин с кипой программных документов на руках никак не унимался:

— А что, будто нет у нас врагов?

— Враги-то есть, — Тимофей немного передохнул и продолжал: — Но главный враг для нас это мы сами. Чем раньше мы это поймём, тем скорее примем нужное решение.

— Так что же, я должна снять юбку и сама выпороть себя? —

с этим вопросом обратилась к собравшимся молодая дама из третьего подъезда, вызвав оживление среди мужской части членов-пайщиков.

Однако предложение раздеться догола требуемой поддержки, увы, не получило. Зато с мест прозвучали выкрики.

– Это что ж будет, если каждый вместо того, чтобы работать, станет искать что-то там внутри себя? А жить-то нам на что прикажете?

– Ему, видите ли, классовую борьбу подавай опять, теперь на мозговом, виртуальном уровне! Нет уж, прошли те времена!

– Это занятие нам ни к чему! Если делать нечего, сам пусть в себе копается!

Тут со своего места поднялся гражданин, по внешнему виду, то ли приват-доцент, то ли профессор. Видимо, тоже из научной сферы.

– Что-то я вас, уважаемый, не пойму. Вот вы говорите, что я должен изживать в себе врага. Допустим. Но ведь дело это не скорое, много времени пройдёт, пока человек в душе своей достигнет совершенства. А что же делать сейчас? Прикажете оставить всё как есть, авось, само собой как-то образуется?

Приват-доцент снисходительно усмехнулся и, довольный сказанным, сел, заслужив одобрительные отклики соседей.

Его поддержали с мест:

– Правильно! За что ж тогда бороться будем?

– Я ведь сказал, попробуйте для начала перебороть себя. То же должны попытаться сделать и те, что за забором. Только тогда появится надежда, – ответил Тимофей.

– Господа! Это провокация! – снова не выдержал курчавый, ткнув пальцем почему-то в сторону приват-доцента. – Вот уже нам предлагают забыть о священном праве на самоопределение и отдать себя на милость федеральных властей. Как это так, оставить всё, как есть? Это же ни что иное, как оппортунизм в наиболее извращённой форме, предательство интересов членов-пайщиков.

– Я этого не говорил, – попытался протестовать испуганный приват-доцент. – Я сформулировал этот тезис исключительно в форме риторического, если позволите, вопроса. Мне только хотелось бы понять, есть ли альтернатива наивной мечте о духовном возрождении.

– То есть как это наивной? – тут уж не выдержал ещё один, тоже учёного вида гражданин, похоже, оскорблённый тем, что принижают его роль наставника и попечителя. – Мы, можно сказать, последние силы отдаём, пытаюсь воспитать подрастающее поколение. А вы готовы всё пустить на самотёк? Стыдно это с вашей стороны и неблагородно! Как после этого своим детям будете смотреть в глаза?

– Вы моих детей, уважаемый, не трогайте, – тут уж возмутился первый учёный гражданин. – Я со своими детьми как-нибудь уж сам разберусь. – И погрозил кому-то для остроты.

– Знаем мы вашего сыночка, – не выдержала дама в первом ряду. – Еле-еле за уши вытянули, чтоб сдал на аттестат. От армии, само собой, отмазали. Институт после второго курса бросил. По ночам неведомо где шляется. Стоит вам на дачу укатить, так у него каждый раз пьянка до самого утра. Что ж это делается, соседям от него покоя нету!

– Ах, ведьма! Всё ты врёшь! – надо полагать, это мамашу встала на защиту своего сыночка. – Ты на свою дочь-шлюшку посмотри, а потом уж будешь нас обливать помоями. – И уже обращаясь к председателю: – Я требую немедленного опровержения! Иначе за себя не ручаюсь, дойду до Страсбургского суда! – кричала обиженная дама, покидая зал.

– Иди, иди! Скатертью дорога! – слышалось ей вслед. Тут, наконец-то, смогла вмешаться председательша: – Граждане пайщики! Так нельзя. Ну надо же уважать права своих соседей.

– Да где тут право? Тут кругом бесправие!
– Воспитываем придурков, а потом надеемся на что-то!
– Всех на перевоспитание, в трудовые лагеря! Дайте нового Сталина!

– Долой тиранов и сатрапов! Да здравствует всеобщая свобода!

– Пора защитить права национальных меньшинств!
– И исключить мздоимство в сексуальной сфере!
– Всех на... – дальше зазвучало и вовсе непристойное. Ясно было, что собрание пошло вразнос. То есть ещё чуть-

чуть, и могло дойти до мордобоя. Следовало что-то предпринять. И Тимофей попытался остудить пыл собравшихся:

— Граждане дорогие! Ну зачем вы глотки себе рвёте? Зачем опускаетесь до клеветы и оскорблений? В конце концов, какая разница, есть этот забор или его нет. Дело-то ведь выеденного яйца не стоит.

Кричащие и буйствующие, униженные и оскорблённые, вскочившие со своих мест и уже, было, покинувшие зал — тут все внезапно замолчали. Поскольку у них одновременно в головах возникла одна и та же мысль. И словно бы подслушав эту мысль, тем самым выразив общественное мнение, в наступившей тишине раздался мрачный голос из президиума:

— Как это не стоит? Да за него наши кровные денежки заплачены.

Шквал возмущённых выкриков прокатился по залу, по пути своего следования приобретая всё более агрессивные черты. Тимофей попытался ещё что-нибудь сказать, но его уже никто не слушал. Все взгляды оборотились к курчавому гражданину, который, размахивая новой кипой бумаг, стремительно приближался к трибуне президиума. Заняв нужную позицию, оратор прокричал:

— Нас тут пытаются столкнуть с правильного пути. Считаю, что дело чести каждого из пайщиков отстаивать свою, принципиальную точку зрения. А соглашателям и резонёрам тут не место. Если человек не понимает основ существо-

вания нашего кооператива, подвергает сомнению незыблемые, так сказать, устои нашей собственности, такому человеку здесь не место. Предлагаю лишить возмутителя спокойствия слова и удалить из зала раз и навсегда!

– И исключить из числа членов-пайщиков! – поддержала дама слева и ткнула пальцем в Тимофея.

– Уж и не знаю, как вы, а мы его всегда подозревали, – тут же заявили справа.

– Гнать таких надо!

– Позор!

– Под суд!

Тут снова началось...

Ещё тогда, в августе, когда стоял на площади перед Белым домом, одной рукой массируя левую сторону груди, ещё тогда он верил. Верил, что разум и совесть победят. И вот теперь только, сказав эту короткую речь, только теперь он осознал, что был неправ. Не вера здесь решает. Верить можно до посинения, но это не изменит ничего. Всё будет так, как кто-то умный и облечённый властью просчитал. Составил бизнес-план, воспитал нужные кадры, подготовил калькуляцию. Кто знает, может, это Бог...

И ещё он понял, что странное, так поразившее его сновидение было неспроста, что то скопление бессмысленных в своей наготе людей – вот они, эти люди перед ним. Все они, кричащие и размахивающие руками, стучащие каблуками по полу и брызжущие слюной. Всем им только кажется, что они

живут, что существуют. Что звуки произносимых, выкрикиваемых ими слов – это и есть их жизнь. А на самом деле всё совсем не так. На самом деле, лежат они там, на холодных нарах, думают каждый о своём и терпеливо ждут, когда же вынесут им смертный приговор. И он тоже лежит на нарах вместе с ними. Без смысла, без надежды. Какая уж надежда, если сына воспитать не смог?

Тут слёзы брызнули у него из глаз. И словно бы каким-то тяжёлым, тупым предметом стукнуло по голове. Он попытался не упасть, но тело не послушалось его.

– Эй! Что это с вами? – пустая, глупая улыбка застыла на лице председательши.

– Да он свихнулся! – прокатилось по залу.

– Вот бедняга...

И словно бы даже злость куда-то испарилась, они даже готовы были простить ему всё то, что он тут в сердцах наговорил. Да можно ли обижаться, когда такое случилось с человеком?..

Когда его увозили, вслед кто-то из соседей прокричал:

– Скорее возвращайся, Тимоха!

Уже остатком своего угасающего разума он успел подумать: «Нет! Только не это. Только не опять... сюда».

Глава 2. Свидание на похоронах

На этом месте я прервал рассказ. Да просто не знал, о чём ещё писать. Вроде бы и так всё ясно – сама жизнь станет продолжением моего рассказа. Тимохе не суждено этого узнать, а вот мне придётся разбираться в том, что изменилось здесь за то время, пока жил вдали от родины. Неплохая мысль – я в роли Воланда, который явился через много лет, чтобы сделать выводы, вынести свой приговор. Как это он тогда сказал? «Обыкновенные люди... в общем, напоминают прежних... квартирный вопрос только испортил их». Эх, если бы так просто! Однако за прошедшие годы столько вопросов накопилось – сам чёрт ногу сломит... Ну вот и я, смогу ли что-то изменить, кого-то наказать, на что-то повлиять? Это вряд ли – возможности писателя крайне ограничены.

Тут надо пояснить, что Тимоха – это вполне реальный человек, можно сказать, коллега, если иметь в виду мою первую профессию. Правда, после третьего курса мы с ним разошлись, то есть он никуда не уходил, ну а меня направили работать в «органы», лет двадцать отслужил. Да что теперь говорить – это дело прошлое. С тех пор иногда общались на ежегодных встречах однокурсников, вот только в последние годы не имел такой возможности. Собственно говоря, я потому и решился написать о Тимохе, что его не стало – копаться в жизни ныне здравствующего человека как-

то неудобно, а вот когда уйдёт в мир иной, тогда уж не станет обижаться, если что-то перепутаю или даже намеренно искажу реальные события. Впрочем, историю про забор он сам мне как-то рассказал, ну а финал пришлось додумать – как без этого?

Рассказ написал, сидя в кресле самолёта, управился за несколько часов. Отшлифовать, отредактировать текст тоже времени хватило, пока добирался до Москвы. И вот стою во дворе академической больницы. Здесь, у здания морга собрались и коллеги по работе, и кое-кто из однокурсников. С ребятами из нашей физтеховской группы, конечно, приятно пообщаться, но только не в этой ситуации. Меня больше занимал вопрос, приедет ли Карина, чтобы проводить Тимоху в дальний путь. Однако среди толпы так и не нашёл никого похожего – неужели за прошедшие годы так изменилась?

Уже когда решил бросить это бесполезное занятие, обратил внимание на девушку, стоявшую поодаль. Стройная фигура, светлые волосы словно бы струились по спине... В общем, ничего необычного – джинсы в обтяжку и кожаная куртка, да ещё шлем байкера в руке. Ну и с чего бы так зациклился на ней? Проблема в том, что я никак не мог разглядеть лица, она словно бы намеренно его скрывала – вплотную перед ней заросли кустарника, а сбоку тоже никак не подойдёшь, там её «охрана». Этих уж ни с кем не спутаешь – в чёрной коже с головы до ног, а на спине характерная эмблема с аббревиатурой «МС». То ли «волки», то ли кто ещё...

Что ж, пришлось ретироваться не солоно хлебавши, а тут ещё ребята понаехали. Начались разговоры – как, да что... Это и понятно, лет десять прошло с тех пор, как последний раз встречались. Тогда устроили посиделки на даче у Саныча, где всё располагало к отдыху – огромный стол под навесом, несколько шезлонгов для любителей поджариться на солнце, да небольшой бассейн. Даже если примешь лишнего, можно освежиться без риска утонуть.

Договорились встретиться на днях. Но тут вынесли гроб, погрузили в автобус, а дальше – дорога на Хованское кладбище. Я что-то замешкался, надеясь, что вот сейчас смогу увидеть лицо той девицы, но не сбылось – видимо, она уже уехала. Когда спохватился, оказалось, что все места в автобусе заняты, да и в двух машинах, на которых приехали Колян и Саныч, свободного места не нашлось. Пожалел, что рано отпустил такси, так ведь никто не знал, что так получится. Ну что поделаешь, не повезло! Хотя в такой ситуации, когда хоронишь давнего приятеля, говорить о собственном невезении, по меньшей мере, неприлично.

И вот иду я по липовой аллее, ведущей с территории больницы на улицу, где рассчитывал поймать такси, как вдруг слышу позади рёв мотоцикла. Еле успел отскочить – эти байкеры, они же все безбашенные! Оглянулся, а это она. То есть полной уверенности нет, поскольку и лицо, и волосы закрыты шлемом, однако, судя по одежде и фигуре...

– Ну что, прокатимся?

Я даже не спросил, куда... Да какая разница? Не столь важно, красавица или дурнушка, главное для меня – это найти решение загадки: какое она имеет отношение к Тимохе? Честно говоря, я был так заинтригован, что без раздумий надел шлем, который она мне протянула – не такой изысканный, как у неё, он предназначен был для пассажира. И вот оседлал этого рычащего коня и, обхватив руками талию девицы, приготовился испытать ощущения, которых прежде старался избегать. Ну просто потому, что не любил рисковать попусту, без особой надобности. Но тут риск был вполне оправдан, в этом я вскоре убедился.

На кладбище мы примчались раньше всех – времени достаточно, чтобы познакомиться, порасспросить о том, что меня интересовало. Тут-то она и сняла свой шлем... Даже если бы ни слова не сказала, я бы понял, что это дочь Карины. А дело в том, что в каждой женщине есть свой неповторимый шарм, который нередко передаётся по наследству. Тут не важны прочие детали лица – только глаза в сочетании с улыбкой... Глядя в эти глаза невозможно ошибиться.

В своё время я чего только ни предпринимал, чтобы заглушить в себе страсть, которая помимо моей воли поднималась откуда-то из подсознания, стоило мне увидеть Кару – так мы её когда-то называли. Было в ней что-то общее с Джинной Лоллобриджидой, а между тем, саго с итальянского переводится как «дорогая, любимая». Когда встречались взглядом, я понимал, что и она... Однако не мог же я увести

жену у своего приятеля! И вот передо мною её дочь...

– А я вас знаю.

Это откуда же? Вроде бы прежде не встречались. Молчу. Просто потому, что мне приятно слышать этот голос. Вижу, что смутилась...

– Ох, простите! Я даже не представилась... Меня зовут Алёна. А вас как называть?

Вот странно: говорит, что знает, а имя... Похоже, помнит лишь фамилию.

– А мама вам не подсказала?

Рассмеялась. Когда смеётся, ещё больше хорошеет, прямо расцветает на глазах, как диковинный цветок в оранжерее... Господи, неужели снова начинается? Одно дело вспылать страстью к зрелой женщине, а тут почти подросток...

Слегка зарделась от смущения:

– Ой, мне как-то неудобно вас называть по имени.

– Да бросьте, сейчас вот прилетел из Штатов, так там только и слышишь «Влад», «Влад». И никаких тебе «сэр» или «мистер», разве что обслуга так обращается в отеле...

– Ну что ж, тогда договорились. А что вы делали за океаном, если не секрет?

– В Голливуде фильм собираются снимать по моей книге. Надо было кое-что обсудить...

– И по какому же роману?

– А вот и не скажу.

– Бойтесь сглазить?

– Что-то вроде этого, – тут только сообразил, что разговор ушёл куда-то в сторону, а ведь о многом хочется Алёну расспросить. – И как там Карина? Мы с ней давно не виделись...

Алёна заметно изменилась в лице, как-то поскучилась.

– А что с ней делается? Живёт на даче, попивает испанское вино и ругает власть... Кстати, вас приглашала погостить, для того и послала меня сюда. Не пойму, как она догадалась, что вы будете на похоронах.

– Мы с Тимохой когда-то были не разлей вода.

– Тогда понятно.

То, что Кара сама не приехала, меня не удивило – для неё мы давно уже чужие. На всякий случай всё же решил спросить:

– Ну а ребятам приглашение не передавала?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.